

Н.М. Сысоева

УКОРЕНЕННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ В СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ

Для выявления внутренних ресурсов развития территории на основе человеческого капитала в данной работе выделен сектор регионального хозяйства, связанный с экономической активностью местного населения. Для характеристики сектора использовано понятие укорененности экономических действий в региональном сообществе. Критерием укорененности экономики предложено считать долю доходов местного населения от предпринимательства и собственности, отражающую степень вовлеченности в рыночные отношения регионального сообщества как субъекта экономических процессов. Рассматриваются пространственные различия в степени укорененности с выделением ресурсных регионов Сибири, где основу экономики составляет деятельность внешних для этих регионов корпораций по добыче и первичной переработке сырья. Степень развития укорененного сектора, особенно в сферах, связанных с интеллектуальной деятельностью, влияет на закрепление наиболее активной и образованной части населения в восточных районах. Результаты исследования могут быть применены в региональном социально-экономическом планировании, которое должно сместить акценты с ресурсного потенциала на человеческий потенциал через приоритетное развитие укорененного сектора экономики.

Ключевые слова: укорененность экономики; ресурсный регион; собственность; предпринимательство; интеллектуальная деятельность; региональное планирование

Для цитирования: Сысоева Н.М. Укорененный сектор экономики в сибирских регионах // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 4 (124). – С. 171–191. DOI: 10.15372/REG20240407.

ВВЕДЕНИЕ

Новые геополитические условия усиливают необходимость активизации внутренних ресурсов территорий для стимулирования экономического развития. Бюджетная реформа 2004–2005 гг. значительно сузила возможности регионов проводить самостоятельную экономическую политику, и долгое время суть региональной политики на федеральном уровне составляло перераспределение средств в той или иной форме. Однако очевидно, что реализуемость такого подхода ограничивается с сокращением бюджетных возможностей, и на повестке дня стоит поиск новых форм и стимулов для территориального развития.

В последние годы говорится о необходимости опоры на человеческий капитал как фактор благополучия регионов. Обсуждаются понятие человеческого капитала как основы инновационного развития, активизация человеческого потенциала на конкретных территориях [5; 14]. Население региона всегда фигурирует в стратегиях и программах развития, однако не в качестве главного актора, а как пассивный источник рабочей силы и потребитель произведенных товаров и услуг, для которого в программах предполагается создать рабочие места и улучшить социальную сферу. Поиски внутренних резервов в стратегиях социально-экономического развития всех уровней начинаются с природных ресурсов. Основу планирования составляют отрасли специализации, производящие торгуемую в рамках межрегиональных потоков продукцию и выступающие ядром хозяйственного комплекса. При этом одной из первоочередных задач региональных и местных органов власти, показателем их работоспособности и эффективности рассматривается развитие предпринимательства, расширение малого и среднего бизнеса.

Однако ставка на предпринимательство невозможна без восприятия местного сообщества как субъекта экономической деятельности, а не как источника одного из факторов производства. Проблема субъектности местных сообществ, включая региональные, рассматривается с разных сторон – социокультурной, политической и т.д. [1; 2; 4], что определяет характер влияния этих сообществ на экономическое

развитие территории. Это важно еще и потому, что пассивное участие в экономической деятельности накапливает потенциал отчужденности от происходящих процессов, который может формировать значительные слои населения, считающего себя обделенным при данных экономических отношениях, и в кризисные периоды эти явления могут приводить к социальным протестам и столкновениям.

В настоящей работе особое внимание уделяется регионам Сибири с ресурсной специализацией, большая часть из которых испытывает отток населения, что усугубляет проблему реализации «восточного вектора» в экономической политике страны.

МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА

Для осознания субъектности регионального сообщества в социально-экономическом развитии территории необходимо выделение той части ее экономики, которая зависит от действий резидентов региона, их потенциала и сложившихся сетей взаимодействия.

Система планирования социально-экономического развития субъекта Федерации, основанная на производственном принципе, пришла из планового хозяйства, когда государство являлось собственником производственных мощностей. Но в рыночных условиях право собственности на активы отраслей специализации перестало связываться с территориями базирования производства, эти предприятия «ушли из регионов». Сосредоточение активов во внешних для регионов корпорациях начало сказываться на инвестиционной деятельности, распределении прибыли и побудительных мотивах расширения, диверсификации и модернизации существующих предприятий. Особенно это характерно для регионов, где преобладают добыча и первичная переработка полезных ископаемых и где велика концентрация капитала вследствие эффективности функционирования крупных корпораций.

Остальная часть хозяйственного комплекса к настоящему времени даже не обрела единого обозначения в рамках региональной экономики и рассматривается как антитеза деятельности корпораций.

В работах, где исследуются взаимоотношения крупного бизнеса с территориями, противопоставляются главным образом два типа экономических агентов. Например, В.И. Нефедкин называет их экстерриториальными и локальными агентами и указывает, что у последних хозяйственная деятельность и основные экономические интересы непосредственно связаны с территорией [7]. В.А. Цветков в противовес вертикально интегрированным корпорациям выделяет региональные, т.е. интегрированные во внутреннюю среду территории [13]. Подобная связанность хозяйственной деятельности агента с территорией должна быть конкретизирована, чтобы можно было отграничить местный сектор экономики соответствующего уровня целиком и получить возможность дать его количественную характеристику.

Первым и наиболее важным критерием отнесения производственной деятельности к региональной «компетенции» является регистрация субъектов экономической деятельности в регионе. Второй критерий – принадлежность активов, связанных с осуществлением экономической деятельности, также резидентам территории. В этих позициях могут выступать и организации отраслей специализации в том случае, если контрольным пакетом владеют жители территории. Далее, принятие решений по экономической деятельности должно осуществляться в регионе, т.е. управление активами не исходит от внешних структур более высокой иерархии, либо интересы резидентов данной территории должны определять эти решения в большей степени, чем другие факторы. Последнее условие связано с первыми двумя, хотя и не явно, поскольку такие отношения с территорией могут возникать и у «экстерриториальных» агентов. То есть внутренним двигателем развития для региона являются какие-либо активы его резидентов, которыми они могут распоряжаться, и их предпринимательская активность.

Собственность и предпринимательство – эти два фактора как носители экономической свободы привязывают к территории самую активную часть местного сообщества, формируя резидентский сектор региональной экономики. Наиболее важное свойство данного сектора, а именно связанность с местным сообществом, удобнее назвать

укорененностью, что перекликается с термином, используемым в институциональном направлении экономической социологии. Принцип укорененности (embeddedness) был введен в научный оборот К. Поланьи [10] для характеристики экономического поведения людей, обусловленного их социальными связями и отношениями, и далее развит М. Грановеттером [16] через понятие сетевых структур. М. Хесс, обобщая широкий спектр работ последователей Поланьи и Грановеттера, выделил так называемую территориальную укорененность, подчеркивая значение локальности или территориальности в проявлении зависимости экономического поведения от социальной среды [17]. Концепция укорененности получила распространение в странах Восточной Европы при анализе трансформации хозяйства в постсоветский период и стимулировала исследования проблем взаимосвязи территорий с внешними владельцами, развития новых производств на местах, поощрения креативных и инновационных устремлений местного предпринимательства [15; 18]. В российской научной литературе понятие укорененности используется среди прочих в исследованиях региональной идентичности и сетевых взаимодействий как социального капитала [3; 9; 11; и др.].

В целом понятие укорененности указывает на специфичность экономических взаимоотношений социума определенной территории и сформированных этими отношениями институтов на основе факторов их эволюции. В контексте излагаемой проблемы регионального развития укорененность создает естественную основу взаимодействия членов регионального сообщества по использованию ресурсов и формированию собственных экономических акторов. Для сырьевых регионов как периферии крупных корпораций принципиальным моментом является не столько специфичность этих отношений, сколько их достаточное наличие, т.е. существование развитых сетей взаимосвязей резидентов территории. Такой подход к выделению какого-либо сектора экономики позволяет сделать опору именно на человеческий потенциал региона в противовес традиционному, связанному с богатством природных ресурсов территории или накопленным промышленным потенциалом.

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ УКОРЕНЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Критерии выделения резидентского, или укорененного, сектора экономики региона должны формироваться на основе владения активами членами местного сообщества и их участия в предпринимательстве. Но официальная статистика не предоставляет открытых данных по каким-либо видам собственности в региональном разрезе, а уровень предпринимательства местного населения в регионах можно оценить только по общей информации о малом и среднем бизнесе, который, однако, не идентичен тому, что обозначается понятием местного предпринимательства. Поэтому при определении границы или уровня развития указанного сектора в регионе нужно опираться не на данные о производстве, а на характеристику самого сообщества.

В системе Росстата рассчитывается структура доходов населения по регионам, включая доходы от собственности и от предпринимательства. Совокупная доля этих доходов может служить критерием субъектности местного сообщества в развитии региональной экономики на рыночных принципах. Все остальные экономические показатели – валового регионального продукта, объемов производства, доли налогов, оставляемой в регионе, и т.д. оказывают влияние на жизнь членов этого сообщества через их собственные доходы.

По названному критерию можно оценить общие тенденции в участии местного населения в предпринимательстве и владении собственностью по стране, а также в степени укорененности бизнеса в различных типах регионов или по федеральным округам. Сходные позиции по структуре доходов есть в региональной статистике других государств, что расширяет базу для сравнения, в частности, со странами, прошедшими вместе с Россией период перехода к рыночным отношениям.

Динамика уровней вовлеченности населения в рыночные отношения по названным показателям в федеральных округах за период после массовой приватизации представлена на рис. 1. Общая тенденция состоит в снижении этого уровня в среднем по стране: с 23% в 1995 г. до 10,9% в 2022 г. «Слой» доходов от собственности на

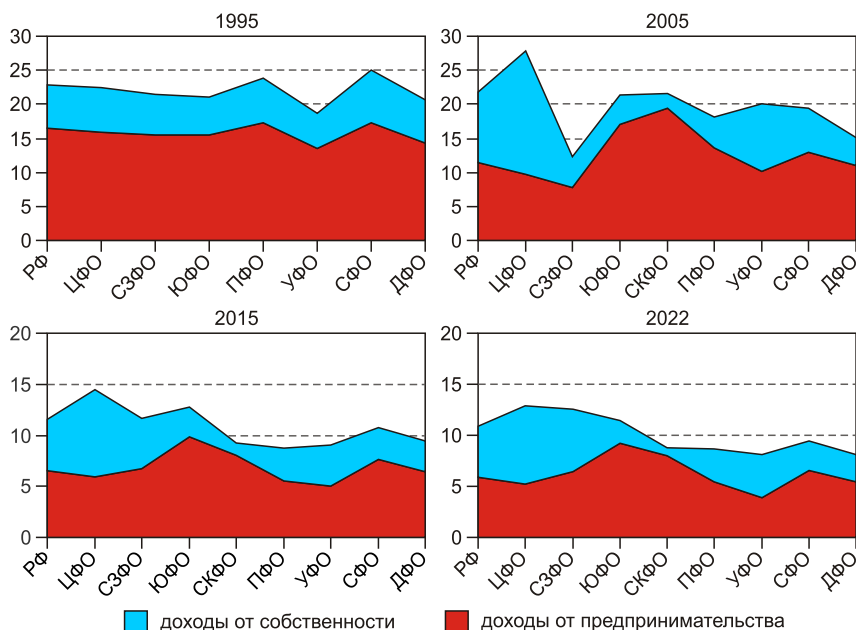

Рис. 1. Динамика доходов населения от собственности и от предпринимательства по федеральным округам Российской Федерации после массовой приватизации, %

Источники: Регионы России: Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 172–173; Регионы России: Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – С. 224–227

графике для 1995 г. выглядит достаточно равномерным, с некоторым увеличением в Сибирском федеральном округе и уменьшением в Южном, где он компенсировался более высоким уровнем предпринимательства населения.

За следующее десятилетие картина изменилась: в результате перераспределения приватизированных активов по доходам от собственности резко выделился Центральный федеральный округ за счет г. Москвы, где доля этих доходов выросла до 24,6% при значительном снижении доли доходов от предпринимательства. Субъекты нового Северо-Кавказского федерального округа вместе с Южным остались лидерами по уровню предпринимательских доходов.

К 2015 г. произошло снижение по обеим позициям: почти наполовину уменьшилась доля доходов от собственности в г. Москве и, соответственно, в ЦФО, повсеместно сократилась доля доходов от предпринимательства. Это снижение в отдельных частях страны замещалось разными способами. В ее западной части доходы от собственности и предпринимательства заменялись в большей степени заработной платой, а в восточной, где уровень работы по найму был изначально достаточно высок, – социальными выплатами. В 2022 г. после пандемийного шока и усиления санкций пространственное соотношение двух категорий доходов по федеральным округам почти не изменилось, а их общий уровень снизился еще на 1–2%.

Предложенный показатель экономической укорененности бизнеса в регионах позволяет оценить конечный уровень зависимости доходов общества от активной формы участия в развитии региональной экономики, но его составные части требуют дальнейшего анализа тенденций и условий этого участия.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО РЕЗИДЕНТОВ РЕГИОНА

При анализе предпринимательства в регионах оно традиционно рассматривается в форме малого и среднего бизнеса, и развитие этого сектора повсеместно провозглашается мотором развития экономики, особенно региональной. Однако само по себе предпринимательство не является показателем развития территории и может отражать не только рыночную сущность экономического поведения населения, но и сложности вхождения в рынок.

Доли доходов от предпринимательства в регионах Сибирского федерального округа были сопоставлены с душевыми показателями валового регионального продукта (рис. 2). Для большинства регионов характерно несовпадение этих характеристик. Более богатые по удельному ВРП в сравнении со средним уровнем по СФО, как правило, имеют меньшую долю доходов населения, связанных с его собственной экономической активностью. В регионах с меньшим уровнем подушевого ВРП наиболее вероятным является преобладание вынужденного предпринимательства, обусловленного отсутствием других

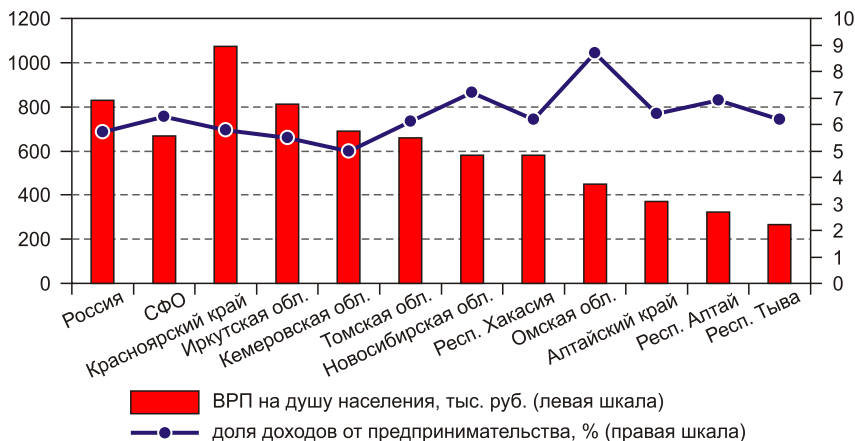

Рис. 2. Валовой региональный продукт на душу населения и уровень предпринимательства в регионах Сибирского федерального округа, 2021 г.

Источник: Регионы России: Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – С. 224–227

источников дохода. Движет развитие добровольное предпринимательство, которое повышает статус человека в обществе и обеспечивает ему более высокое материальное благополучие по сравнению с работой по найму.

Для начинаний в бизнесе ключевой проблемой является определение сферы деятельности, подразумевающее поиск рынков сбыта продукции и услуг. Согласно обследованиям малого и среднего бизнеса, проводимым Росстатом*, последнее из которых было осуществлено в 2020 г., деятельность как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей ожидаемо связана преимущественно с торговлей и ремонтом автотранспортных средств (раздел G в ОКВЭД), на которые приходится до половины выручки. На втором месте – обрабатывающие производства и строительство (в среднем в стране и СФО по 12–13% выручки). Сельскохозяйственное производство среди сибирских регионов составляет значимую долю в местном

* URL: https://rosstat.gov.ru/small_business_2020.

предпринимательстве только в Алтайском крае (8%). У индивидуальных предпринимателей крен в сторону обслуживания местного потребительского рынка выражен еще более отчетливо. Лидером также является торговля, но по обрабатывающим производствам и строительству заметно снижение доли выручки до 7 и 5% соответственно. Вместе с тем на второе место с долей около 9% выходит вид деятельности «Операции с недвижимостью». Помимо этого, возрастает доля дохода от транспортировки и хранения, а также от таких категорий, как деятельность профессиональная, научная и техническая, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания. В регионах Сибирского федерального округа доли выручки от торговли, обработки, строительства и транспортных услуг у индивидуальных предпринимателей выше на несколько процентов, чем в среднем по стране, вследствие ресурсной направленности их экономик, но по остальным перечисленным видам деятельности индивидуальное предпринимательство в Сибири отстает от общероссийского уровня.

Таким образом, значительная часть малого и среднего бизнеса участвует в перераспределении поступающих в регион денег от отраслей специализации и бюджетных средств. В категории перерабатывающих производств в малом и среднем бизнесе преобладает пищевая промышленность, также ориентирующаяся на местные рынки. Это можно распространить и на все предпринимательство, идущее снизу, т.е. на укорененный сектор. Для роста региональной экономики важны отрасли, поставляющие товары или услуги за пределы региона и накапливающие результаты производственной деятельности на его территории.

Промышленная специализация малого и среднего бизнеса получает наибольшее внимание со стороны региональных властей, главным образом через предоставление инфраструктуры (промышленные парки и другие формы поддержки). Основными способами помощи развитию этого сектора, согласно официальным программам, являются консультирование и содействие в кредитовании либо через бюджетные гранты, либо через компенсацию процента по кредитам. Однако местные предприятия такого профиля не могут быть массовыми, поскольку они встраиваются в сложившуюся структуру произ-

водства, которая именно в ресурсных и промышленных регионах «схвачена» отраслями специализации. Местный бизнес находит себе ниши в обслуживании этих производств, в том числе с помощью региональных администраций, однако эти предприятия в случае их успешной работы легко поглощаются структурами больших компаний и уходят из регионального сектора. Это не ведет к росту валового регионального продукта, поскольку, как пишет В.И. Нефедкин [6], концентрация корпоративной власти в регионах влечет за собой уменьшение локального контента, производимого региональными активами крупных корпораций, и сокращение регионального компонента в произведенной добавленной стоимости.

Но если вернуться к восприятию населения как субъекта региональной экономики, то для самих жителей региона наиболее предпочтительными являются виды деятельности, опирающиеся на человеческий капитал, на качественные характеристики самих агентов, их уровень образования, их мотивации и жизненный опыт. И здесь особую роль играют виды деятельности, использующие интеллектуальный труд, которые позволяют реализовывать индивидуальные притязания, сформированные уровнем и качеством образования. С другой стороны, подобные виды деятельности не требуют капитальных затрат, сопоставимых с затратами в материальном производстве, т.е. более доступны в финансовом плане. На основе данных сплошного наблюдения за малым и средним бизнесом, проводимого Росстатом, нами были выделены четыре вида деятельности: финансовая деятельность и операции с недвижимостью, участвующие в распределении ресурсов, а также деятельность в сфере информационных технологий и научные исследования, входящие в категорию так называемых деловых услуг, которые в Глобальном мониторинге предпринимательства выделяют как оказывающие наибольшее воздействие на экономическое развитие через свой инновационный потенциал.

Результаты нашего исследования показывают, что, во-первых, доля деловых услуг в структуре деятельности малого и среднего бизнеса в СФО меньше, чем в среднем по России (в 2020 г. – 0,14 и 0,8% соответственно), т.е. в ресурсных регионах с преобладанием крупных корпораций рынок таких услуг меньше. Во-вторых, пре-

обладание доли занятых над долей доходов в целом по СФО, и особенно в национальных республиках Сибири, предполагает более низкий уровень оплаты труда в частном бизнесе по сравнению с другими видами деятельности или с той же работой в соседних регионах. Все это говорит о сравнительно более узких сегментах рынка труда для квалифицированного персонала в ресурсных регионах Сибири, и местный бизнес утрачивает ниши деловых услуг, формирующие инновационное развитие территории.

СОБСТВЕННОСТЬ РЕЗИДЕНТОВ В РЕГИОНАХ

Перспективы развития предпринимательства неразрывно связаны с собственностью резидентов региона, поскольку она составляет основу при организации собственного бизнеса на фоне высокой стоимости заемного капитала, а также является источником последующих инвестиций. Понятие региональной собственности в большей части экономической литературы ограничивается представлением о ее государственном секторе, частную собственность юридических лиц и граждан в региональных границах оценить по официальной статистике затруднительно. Наибольшее внимание в региональных исследованиях привлекает собственность предприятий, вошедших в состав вертикально интегрированных корпораций. Как показывает рис. 1, значительная часть прав собственности на промышленные активы к настоящему времени ушла из регионов. Но концентрация производственного капитала и специфические основания для перерегистрации («перепрыгивания») прав собственности не изменили направления финансовых потоков, а облегчили вывод прибыли с территорий, где она зарабатывается [8]. Банковская система развивается по пути централизации активов в крупнейших банках с преобладанием государственных организаций и заметным сокращением числа региональных банков. В регионах собственная финансовая деятельность в малом и среднем бизнесе исчисляется долями процента и также сокращается. Государство стимулирует концентрацию бизнеса и финансов, так как это способствует контролю за основными экономическими отношениями и потоками капитала и в целом со-

здает условия для долгосрочных инвестиций. Однако интересы территории базирования корпораций диктуют приоритет не концентрированной, а распыленной собственности с максимально возможным числом резидентов, участвующих в прямом распределении доходов.

Собственность, учитываемая Росстатом в качестве источника доходов, представляет собой вклады и ценные бумаги, включая акции. Источником доходов населения, помимо перечисленных, выступают и другие виды собственности. Э. де Сото при анализе положения в разных странах главным первичным условием накопления капитала населением определяет собственность на недвижимость, которая при определенных обстоятельствах может превращаться в капитал, т.е. приносить доход [12]. Как уже говорилось выше, проанализировать в региональном разрезе распределение собственности на капитал, на производственные активы или на недвижимость трудно из-за отсутствия открытой статистики, но тенденции можно уловить по отдельным аспектам, например в отношении земли как физического базиса предпринимательства.

В последние годы общая площадь земель в собственности граждан сокращается, в то время как увеличивается площадь земель в собственности юридических лиц. В собственности граждан преобладают земли сельскохозяйственного назначения (в 2022 г. – 96%), при этом значительная их часть существует в виде земельных долей, т.е. эти земли функционируют в форме не крестьянско-фермерских хозяйств, а сельскохозяйственных предприятий типа акционерных обществ, включая крупные агрохолдинги, которые интенсивно консолидируют эти доли.

Вдобавок основную долю земель поселений в собственности граждан составляют личные подсобные хозяйства и садоводства, т.е. эти земли также используются для сельскохозяйственной деятельности. В определенной мере они способствуют получению доходов, однако сельское хозяйство – дотационная отрасль, и это изначально не позволяет надеяться на существенное накопление капитала на уровне домохозяйств за счет владения землей, что и показывают тенденции сокращения площадей в собственности граждан. Наиболее перспективны в этом отношении земли населенных пунктов и земли

промышленности, где создаются производства и оказываются услуги. Однако вход на земельные рынки в городах сложен, для этих регионов характерны низкая прозрачность и высокая степень административного влияния, и в этой части земельного фонда более интенсивно идет приращение земель в собственности юридических лиц (см. таблицу).

Малая доля доходов от собственности резидентов отражает проблему накопления инвестиционного капитала в регионах. Результатом централизации активов стал повсеместный поиск источников инвестиций вне самих территорий. Возможность привлекать инвесторов со стороны рассматривается как основное достоинство региональной власти и ведущий фактор региональной конкурентоспособности. Даже акцент на развитии малого предпринимательства как опоры региональных экономик говорит об априорном восприятии того факта, что в регионах денег на собственный крупный бизнес нет и быть не может. Между тем нынешнее функционирование региональных экономик без выраженных механизмов формирования собственных источников капитала и его накопления приводит либо к преобладанию колониального характера развития, либо к деградации. При этом в тени остается собственность резидентов территории, которая в лучшем случае рассматривается как один из источников благосо-

Динамика площадей приватизированных земель в России, тыс. га

Показатель	2010	2022	Прирост/убыль с 2010, %
Общая площадь земель в частной собственности	133 446,1	133 325,7	99,9
Земли в собственности граждан	121 382,0	108 718,4	89,8
Из них			
земли с.-х. назначения	117 591,5	104 057,1	88,5
Земельные доли граждан	100 136,8	74 856,4	74,8
Земли в собственности юридических лиц	12 064,1	24 607,3	203,4

Источник: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2010 году. – М., 2011; 2023.

стояния населения, но не как фактор регионального развития, требующий не только фискального регулирования и ограничений, но и стимулов для ее коммерческого использования и накопления капитала. Активность малого и среднего бизнеса в сфере операций с недвижимостью отражает определенный уровень распространения этого рынка в регионах, но существенно не влияет на развитие предпринимательства.

УКОРЕНЕННЫЙ СЕКТОР В ПЛАНИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Представленный обзор составляющих элементов укорененности бизнеса показывает довольно пессимистичную картину дальнейшего развития этого сектора, особенно в ресурсных регионах. Программы развития моногородов – это решение крайних стадий проблемы, которая в той или иной мере присутствует в большинстве регионов России. В настоящее время органы власти субъектов Федерации и муниципалитетов формируют свои стратегии и программы вокруг корпоративных планов, «пробивая» косвенные эффекты для территории, в основном социального характера, в лучшем случае подключая местных «смежников». Однако региональное планирование должно ориентироваться именно на укорененный сектор. Региональная власть должна сменить акцент в анализе движущих сил развития территории, поставив во главу угла потенциал и запросы собственного населения, направив преимущественное внимание на возможные сферы развития предпринимательства и его финансовые и инвестиционные ресурсы, что особенно важно в регионах с отрицательной миграцией.

При разработке программ следует перейти от общих призывов по поводу развития местного предпринимательства к осознанию возможности развития конкретных его направлений и видов деятельности, необходимости поиска новых рынков. И главной заботой для региона должен стать рынок интеллектуальных услуг, что требуется для закрепления населения, в том числе наиболее активной его части, включая молодежь. Важность интеллектуальных видов деятельности

для регионов обусловлена, с одной стороны, задачей инновационного развития как всей экономики страны, так и экономик самих регионов, с другой стороны – «навесом» высокого уровня образованности населения, которым в регионах гордятся, но не знают, что с ним делать, поскольку он создает перекосы на локальных и региональных рынках труда. И здесь особую роль играют деловые услуги, которые являются одним из важнейших звеньев связи внешних для регионов корпораций и крупных производств с потенциалом местного сообщества. Это наиболее динамичная и перспективная сфера для развития инициативного предпринимательства, предъявляющая высокие требования к интеллекту, а значит, здесь может быть востребовано высшее образование, включая гуманитарное. Повышенный спрос на юридическое и экономическое образование в первые постреформенные годы означал для молодежи ожидание возможностей и надежду на самостоятельные профессиональные действия, включая развитие собственного бизнеса, но после периода централизации активов и капиталов, а соответственно, и центров принятия решений в экономике носители таких знаний в ресурсных регионах теперь рассматриваются как лишние люди для местных рынков труда.

Решить подобные задачи невозможно силами только региональных и местных администраций. Формализованные подходы к планированию и регулированию местной экономической жизни основываются на дефиците горизонтальных связей между экономическими агентами, на иерархичности взаимоотношений, что обусловлено и политическими причинами. Незавершенность реформ, торможение их завершения выгодоприобретателями первых стадий реформирования (распределение активов, земельных и других ресурсов) способствует преобладанию экспертных и профессиональных объединений охранительного, а не конкурентного характера. Для поиска новых возможностей необходимо не только публичное обсуждение перспективных направлений, но и раскрытие реальных ресурсов, связанных с собственностью, землей, капиталами. Закрытость такой информации усугубляет отчуждение основной массы населения, препятствует развитию сетевых связей, формированию доверия в деловой среде и способствует распространению коррупционных и сословных прак-

тик, снижающих конкурентность экономики региона, а значит, и ее эффективность.

Выделение резидентского, или укорененного, сектора экономики позволяет провести более точную диагностику состояния региона, поскольку расширение именно этого сектора будет означать реальное экономическое развитие территории, повышение благосостояния населения, а не только колониальное извлечение ресурсов для последующей переработки в других регионах или странах в рамках территориального разделения труда. В условиях сокращения возможностей федерального центра поддерживать регионы за счет нефтегазовой ренты местное сообщество должно увеличивать свое благосостояние собственными силами, и это направление развития должно получить адекватное институциональное оформление как в отношении распределения ресурсов, включая финансовые, так и в отношении стимулирования расширения в регионах круга бенефициаров развития.

Статья подготовлена по материалам проекта НИР Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН № АААА-А21-121012190019-9

Список источников

1. Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Формирование субъектности региональных сообществ в России: социокультурный аспект // Регион: экономика и социология. – 2023. – № 2 (118). – С. 121–143.
2. Гуськов И.А., Васильев В.Н. Инновационное развитие в контексте интересов регионального бизнес-сообщества // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 11. – С. 53–61.
3. Зорина О.О. Эволюция взглядов на содержание и формы сетевого взаимодействия фирм // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 14. – С. 109–120.
4. Кольба А.И., Орфанди Э.В. Институционализация городских сообществ крупных региональных центров РФ в системе политического управления конфликтами: пределы возможностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 601–613.
5. Кузнецова М.Н. Человеческий капитал Архангельской области: сущность, методика расчета // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 1 (113). – С. 104–129.

6. *Нефедкин В.И.* Экономическая власть крупных корпораций и развитие регионов // Вопросы экономики. – 2016. – № 3. – С. 99–114.
7. *Нефедкин В.И.* Экстерриториальное и локальное в контексте регионального развития // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 4 (92). – С. 69–86.
8. *Пачина Т.М., Почивалова Г.П.* Экстерриториальность капитала и сырьевые регионы: горячая проблема региональной политики // Вестник МГТУ. – 2005. – Т. 8, № 2. – С. 278–290.
9. *Перышкин М.О.* Анализ междисциплинарных концепций сетевого подхода при организации системообразующего инновационно-активного кластера // Интеллектуальная инженерная экономика и индустрия 5.0 (ЭКОПРОМ): Сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2023. – С. 436–439.
10. *Полян К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
11. *Радаев В.В.* Рынок как переплетение социальных сетей // Российский журнал менеджмента. – 2008. – Т. 6, № 2. – С. 47–54.
12. *Сото Э., де.* Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М: Олимп-Бизнес, 2004. – 272 с.
13. *Цветков В.А.* Анализ проблем управления деятельности крупного бизнеса на региональном уровне // Экономика. Налоги. Право. – 2012. – № 5. – С. 43–49.
14. *Цыренова Е.Д., Сахаровский С.Н., Целовальникова Л.Ю.* Человеческий капитал в системе родственных понятий // Вестник ВСГУТУ. – 2014. – № 6 (51). – С. 140–146.
15. *Grabher G.* The disembedded regional economy: The transformation of East German industrial complexes into Western enclaves // Globalization, Institutions and Regional Development in Europe / Ed. by A. Amin, N. Thrift. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 177–195.
16. *Granovetter M.* Economic action and social structure: The problem of embeddedness // American Journal of Sociology. – 1985. – Vol. 91, No. 3. – P. 481–510.
17. *Hess M.* “Spatial” relationships? Toward a reconceptualization of embeddedness // Progress in Human Geography. – 2004. – No. 2. – P. 165–186.
18. *Stachowiak K., Stryjakiewicz T.* Institutional approach in economic geography and its relevance to regional studies // Quaestiones Geographicae. – 2008. – Vol. 27, No. 1. – P. 7–20.

Информация об авторе

Сысоева Наталья Михайловна (Россия, Иркутск) – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (664033, Иркутск, ул. Уланбаторская, 1). E-mail: synat@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20240407

Region: Economics & Sociology, 2024, No. 4 (124), p. 171–191

N.M. Sysoeva

EMBEDDED SECTOR OF THE ECONOMY IN SIBERIAN REGIONS

This study explores internal resources for territorial development based on human capital by identifying a sector of the regional economy associated with the economic activities of the local population. We use the concept of “embeddedness” of economic actions within the regional community to describe this sector. The share of income derived from entrepreneurship and property among the local population is proposed as a criterion for measuring economic embeddedness, reflecting the extent to which the regional community participates in market relations as an economic actor. The analysis highlights spatial differences in the degree of economic embeddedness, notably in Siberian resource regions where external corporations dominate the economy through raw material extraction and primary processing. The development of the embedded sector, especially in areas related to intellectual activity, plays a part in retaining the most active and educated members of the population in eastern regions. The findings can be applied to regional socio-economic planning, advocating a shift from reliance on natural resources to prioritizing human potential by fostering the growth of the embedded economy.

Keywords: embeddedness of the economy; resource region; property; entrepreneurship; intellectual activity; regional planning

For citation: Sysoeva, N.M. (2024). Ukorenennyy sektor ekonomiki v sibirskikh regionakh [Embedded sector of the economy in Siberian regions]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (124), 171–191. DOI: 10.15372/REG20240407.

*The research was carried out following the materials of R&D project
No. AAAA-A21-121012190019-9 of V.B. Sochava Institute
of Geography SB RAS*

References

1. Babintsev, V.P., G.N. Gaidukova & Zh.A. Shapoval. (2023). Formirovanie subyektности regionalnykh soobshchestv v Rossii: sotsiokulturnyy aspekt [Formation of regional community subjectness in Russia: A socio-cultural aspect]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2 (118), 121–143.
2. Guskov, I.A. & V.N. Vasiliev. (2018). Innovatsionnoe razvitiye v kontekste interesov regionalnogo biznes-soobshchestva [Innovative development in the context of the interests of the regional business community]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 11, 53–61.
3. Zorina, O.O. (2016). Evolyutsiya vzglyadov na sodержanie i formy setevogo vzaimodeystviya firm [The evolution of views on the contents and forms of network cooperation between firms]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 14, 109–120.
4. Kolba, A.I. & E.V. Orfanidi. (2023). Institutsializatsiya gorodskikh soobshchestv krupnykh regionalnykh tsentrov RF v sisteme politicheskogo upravleniya konfliktami: predely vozmozhnostey [The institutionalization of urban communities of major regional centers of the Russian Federation in the system of political conflict management: Limits of possibilities]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], Vol. 25, No. 3, 601–613.
5. Kuznetsova, M.N. (2022). Chelovecheskiy kapital Arkhangel'skoy oblasti: sushchnost, metodika rascheta [Human capital in Arkhangel'sk Oblast: Its essence and calculation]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (113), 104–129.
6. Nefedkin, V.I. (2016). Ekonomicheskaya vlast krupnykh korporatsiy i razvitiye regionov [The economic power of large corporations and regional development]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 3, 99–114.
7. Nefedkin, V.I. (2016). Eksterritorialnoe i lokalnoe v kontekste regionalnogo razvitiya [The extraterritorial and the local in regional development]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (92), 69–86.
8. Pachina, T.M. & G.P. Pochivalova. (2005). Eksterritorialnost kapitala i syryevye regiony: goryachaya problema regionalnoy politiki [Extraterritoriality of capital and raw stock regions: A hot problem of regional policy]. *Vestnik MGTU [MSTU Vestnik]*, Vol. 8, No. 2, 278–290.
9. Peryshkin, M.O. (2023). Analiz mezhdistsiplinarnykh kontseptsiy setevogo podkhoda pri organizatsii sistemoobrazuyushchego innovatsionno-aktivnogo klastera [Analysis of interdisciplinary concepts of network approach in the organization of a system-forming innovation-active cluster]. *Intellektualnaya inzhenernaya ekonomika i industriya 5.0 (EKOPROM): Sb. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Intellectual Engineering Economics and Industry 5.0 (ECOPROM): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]*. St. Petersburg, 436–439.

10. *Polanyi, K.* (2002). Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 320.
11. *Radaev, V.V.* (2008). Rynok kak perepletenie sotsialnykh setey [The market as a web of social networks]. Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta [Russian Management Journal], Vol. 6, No. 2, 47–54.
12. *Soto, H., de.* (2004). Zagadka kapitala. Pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostalnom mire [The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else]. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 272.
13. *Tsvetkov, V.A.* (2012). Analiz problem upravleniya deyatel'nosti krupnogo biznesa na regional'nom urovne [Analysis of management issues of big business at the regional level]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes & Law], 5, 43–49.
14. *Tsyrenova, E.D., S.N. Sakharovsky & L.Yu. Tselovalnikova.* (2014). Chelovecheskiy kapital v sisteme rodstvennykh ponyatiy [Human capital in the system of related concepts]. Vestnik VSGUTU [ESSUTM Bulletin], 6 (51), 140–146.
15. *Grabher, G.* (1994). The disembedded regional economy: The transformation of East German industrial complexes into Western enclaves. In: A. Amin & N. Thrift (Eds.). Globalization, Institutions and Regional Development in Europe. Oxford, Oxford University Press, 177–195.
16. *Granovetter, M.* (1985). Economic action and social structure: The problem of embeddedness. American Journal of Sociology, Vol. 91, No. 3, 481–510.
17. *Hess, M.* (2004). “Spatial” relationships? Toward a reconceptualization of embeddedness. Progress in Human Geography, 2, 165–186.
18. *Stachowiak, K. & T. Strykiewicz.* (2008). Institutional approach in economic geography and its relevance to regional studies. Quaestiones Geographicae, Vol. 27, No.1, 7–20.

About Author

Sysoeva, Natalya Mikhailovna (Irkutsk, Russia) – Doctor of Sciences (Geography), Chief Researcher at V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (1, Ulanbatorskaya St., Irkutsk, 664033, Russia). E-mail: synat@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 11.04.2024.

После доработки 20.05.2024.

Принята к публикации 27.05.2024.